

ВОТ И МОЯ ПАМЯТЬ рисует яркие картинки давно ушедшего. Мы с бабушкой едем в Москву. Меня не покидает радостное возбуждение в ожидании чудес, которые готовит мне столица, а моя веселая, остроумная, общительная бабушка непривычно задумчива и молчалива.

Последняя ноль в пути. Бабушка не ложится спать. В 4 часа утра - Пенза. Родина. Именно с этого вокзала в далеком 1931 году с четырьмя детьми и жалкими пожитками в товарном вагоне, как и сотни других семей раскулаченных, она отправилась в далекий путь, конечной точкой которого был один из номерных поселков НКВД в Карагандинской области. И сейчас, спустя десятилетия, ясно вижу ярко освещенный перрон и бабушку, обнимающую вековую липу (дерево родины) и заходящуюся в рыданиях.

Или сценка из ранней юности. Я радостно

страшным, а сознание того, что тебя как бы и не существует на самом деле. Ты - изгой с несмываемым клеймом врага своей страны.

В фондах городского историко-краеведческого музея хранится документ, подписанный заместителем начальника УНКВД по Карагандинской области и датированный декабрем 1939 года. Вот небольшая выдержка из него: «Ввиду того, что трудпереселенцы согласно положению не могут иметь и не имеют на руках документов, удостоверяющих их личность, документом при явке на голосование могут служить трудовые книжки, которые руководители должны выдать работающим у них трудпереселенцам на один день» (публикуется впервые). А чего стоили еженедельные походы в поселковую спецкомендатуру для отметки?

Когда началась война, дети «кулаков» пошли

он слышал, была работа. По пути попадались безлюдные саманные мазанки и юрты. И только отоцвавшие до последней стадии собаки какое-то время брели за повозкой, тихо по-визгивая.

Стал он на новом месте высококлассным специалистом, долгие десятилетия проработал на литейно-механическом заводе, вырастил замечательных детей, но и им наказал помнить о том страшном времени.

А в нескольких десятках километров раскинул свои страшные щупальца Карлаг. О его существовании знали, шепотом пересказывали жуткие истории о происходящем за его колючей проволокой. В 1935 году воочию увидели, что это такое. На строительстве промышленных объектов в поселке не хватало рабочих рук, и проблема кадров была решена по-большеви-

крымские татары - 2 взрослых» (публикуется впервые).

Что ждало в степном захолустье интеллигентных, утонченных немцев, несколько поколений которых родились и выросли в Москве? Среди них были инженеры, врачи, учителя, музыканты и художники. Это их трудами создавались здесь коллективы художественной самодеятельности, народные театры. Основательные и серьезные выселенцы из ликвидированной в 24 часа Автономной республики немцев Поволжья стали каменщиками, и плотниками, землекопами и сталеварами.

Хорошо характеризует условия жизни депортированных выдержка из хранящегося в фондах музея постановления бюро Карагандинского горкома КП(б) Казахстана от 13 октября 1944 г. «О бытовых условиях и трудоустройстве спецпереселенцев с Северного Кавказа по Самаркандской группе предприятий»: «Все переселенцы размещены в двух стандартных бараках и двух землянках. Здесь очень тесно, так, на 35 м² размещены 80 человек, кровати стоят в два яруса, поэтому в здании грязно и душно. Такое отношение к людям создало угрожающее положение, и за короткий срок умерли 35 человек только в Metallургстрое» (публикуется впервые).

Всех этих обездоленных людей приняла земля Казахстана и делилась с ними последним.

Точного числа жертв репрессий мы никогда, увы, не узнаем. Историк Рой Медведев, охватывая период с конца 20-х до начала 50-х годов, пишет: «Общее число жертв сталинских репрессий достигает, по моим подсчетам, цифры примерно в 40 млн человек».

Сейчас, когда еще многие пребывают в мечтах о «сильной руке», а насилие, диктат воспринимаются ими как эффективный метод наведения порядка, только правда во всей своей беспощадности, может быть, спасет нас. Народ, не умеющий извлекать уроки из своего трагического прошлого, обречен пережить его вновь.

Составной частью экспозиции нового зала истории города в Темиртауском городском историко-краеведческом музее будет раздел, посвященный годам репрессий. Его задачей будет материализовать память о жертвах тоталитаризма и одновременно, условно говоря, служить делу просвещения и пропаганды. Выстраивая идеологию этого раздела, мы отказались от традиционных моделей формирования экспозиции. Мы хотели, чтобы музей был не только хранителем информации, но и чтобы экспозиция подталкивала: иди, смотри, думай, страдай, сам ищи ответы.

Т. ДИДИК,
старший научный сотрудник
Темиртауского городского историко-
краеведческого музея

ДОРОГАМИ ПАМЯТИ

Человек так устроен, что чем больше за плечами прожитых лет, тем чаще он мыслями возвращается в прошлое, пытается понять и объяснить хотя бы себе, почему он такой, почему жизнь сложилась так, а не иначе.

делюсь с бабушкой впечатлениями от только что прочитанного романа М. Шолохова «Поднятая целина», а она, как холодной водой, остужает мои восторги, бросив странную и не понятную тогда фразу: «Бедные мы, бедные. Нами столько десятилетий правят Щукари, а мы еще и веселимся при этом».

С начала 30-х годов прошлого века вокруг маленького степного поселка Самаркандского Карагандинской области начинает образовываться страшное ожерелье из номерных поселков НКВД, заселявшихся спецпереселенцами из центральных районов России. Когда в Самаркандском в 1934 году начиналось строительство плотины на реке Нуре, а чуть позже первой в Центральном Казахстане тепловой электростанции - КарГРЭС-1, люди из этих поселков правдами и неправдами стремились перебраться сюда, потому что тут была работа, а значит, возможность хоть как-то сохранить свои семьи.

Костяк населения поселка к началу Великой Отечественной войны сложился из спецпереселенческих семей. Их дети и внуки и сегодня живут в нашем городе. Несколько поколений Бурхетевых, Гореловых, Черединых, Зацепиловых, Тюрюшкиных, Реуцких, Ковригиных честно трудились, приумножая славу нашего города.

Как жили в те далекие годы? Об этом лучше спросить у очевидцев. Саманные бараки, заносимые зимой снегом по самые крыши, тяжелая физическая работа, ужасающая нищета и вечное чувство голода. Но даже не это было самым

защищать Родину. Сражались достойно, а некоторым была уготована судьба сражаться и умереть на земле исторической родины. Федор Байбаков и Петр Зюбин, родом из Сталинградской области, оба из семей спецпереселенцев, погибли у стен Сталинграда.

Тяжким грузом лежала на сердце боль за расстрелянного в 1937 году отца, за судьбу Александра Волкова, уходившего на фронт из поселка Самаркандского, потерявшего на войне ногу, уже инвалидом окончившего Московский медицинский институт и ставшего доктором наук, профессором медицины.

Думал ли «лишенец» Алексей Кочетов, провожая сына Михаила на фронт, что спустя годы тот приедет навестить отца уже в чине контрадмирала Северного флота, а все старожилы поселка сбегутся, чтобы подивиться этому чуду?

Всего за годы коллективизации в Центральный Казахстан были высланы 52 тысячи крестьянских семей, что вместе с детьми и стариками составило почти 1,5 млн человек.

Страшной трагедией обернулся «малый Октябрь» Голощекина (с 1925 года - секретарь Казкрайкома) для казахского народа. Голод 30-х годов, последствие насильственной коллективизации, унес, по разным источникам, от 1,5 до 2 млн человеческих жизней.

Спасая свою семью от голодной смерти, молодой аульный кузнец Аубакир Сыздыков посадил оставшихся в живых в хлипкую повозку и двинулся в поселок Самаркандский, где, как

стски решительно и быстро. В Самаркандский были переведены два лагпункта, где содержались заключенные по печально известной 58-й статье - «враги народа». Старожилы хорошо помнят колонны изможденных, оборванных людей и злобный лай сторожевых псов, рвущих тела двух заключенных, попытавшихся бежать. Все это видели люди, все это видели и помнят сопки Жаур и Жаман, у подножия которых вершились страшные кровавые дела.

- Уже в послевоенные годы город Темиртау для многих бывших политзаключенных стал местом ссылки без права выезда. Так, в 1956 году после 15 лет заключения сюда приехал Теодор Снадэ - вице-президент досоветской Латвии, главнокомандующий военно-морскими силами этой страны, адмирал. Был он человеком высочайшей культуры, знал восемь языков и при этом оставался человеком открытым, умеющим найти общий язык с каждым. Светлую память об этом человеке хранят сотрудники городской инфекционной больницы, где он долгие годы проработал главным бухгалтером.

Уже первые месяцы войны ознаменовались новой волной депортации. Целые народы получили клеймо неблагонадежных. Вот справка Карагандинского обкома КП Казахстана, датированная 15 декабря 1952 года: «В Темиртау проживают 5587 взрослых и 2861 детей спецпереселенцев. В том числе: чеченцы и ингуши - 2836 взрослых и 1691 детей; немцы - 2700 взрослых и 1167 детей; поляки - 21 взрослый и 3 детей;